

НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ

ОБ ОСНОВНЫХ ФАКТОРАХ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Окончание.
Начало — на стр. 1

Николай СОРОКИН. То есть после 2022 года у нас наконец появился институт частных негосударственных инвестиций?

Дмитрий КУВАЛИН. Даже раньше, чем в 2022 году. По данным наших опросов, лишь 20% российских предприятий имеют доступ к среднесрочному кредитованию (на срок более одного года). А остальные 80% развиваются за счёт собственных средств или за счёт инвестиций со стороны материнских компаний. Нельзя назвать такое положение дел нормальным. Из истории мы знаем, что любое "экономическое чудо" всегда основано на дешёвом кредите.

Николай СОРОКИН. За которым всегда стоит государство...

Дмитрий КУВАЛИН. Которое своей политикой способствует тому, чтобы дешёвый кредит был доступен.

Николай СОРОКИН. Центральный банк России, стремясь предотвратить скачок инфляции, упорно сохраняет ключевую ставку на уровне 21%. Однако работающие на реальном рынке предприниматели считают, что такая мера сдерживает рост российской экономики. Считаете ли вы эффективными подобные действия Центробанка?

Дмитрий КУВАЛИН. Это серьёзный вопрос. Наши финансовые власти, хоть и не очень внятно, но предъявляют некую аргументацию в пользу удержания ключевой ставки на высоком уровне: чтобы снизить риски кредитованности, сдержать рост цен в долгосрочной перспективе и прочее. Это, по их мнению, обеспечит более устойчивые темпы роста экономики. Конечно, по такой позиции можно выдвинуть много встречных аргументов.

Николай СОРОКИН. Есть ли прямая корреляция между уровнем ставки и уровнем инфляции?

Дмитрий КУВАЛИН. Я скептически отношусь к показателям корреляции. Это всего лишь возможность наличия причинно-следственной связи, а не её доказательство. То есть, это всего лишь аргумент в пользу того, чтобы посмотреть на некоторые взаимоотношения по-иному.

В ежегодно издаваемом Центробанком документе, который называется "Основные направления единого государственной денежно-кредитной политики", чётко написано: мы хотим снизить инфляцию для того, чтобы уменьшить уровень экономической неопределённости, чтобы предприятия больше инвестировали, население вкладывалось в какие-то долгосрочные проекты, например, покупало квартиры. Всё верно, но лишь отчасти. Важными элементами экономической неопределённости также являются динамика обменного курса рубля или динамика ключевой ставки. Предположим, вы добились низкой инфляции, но если у вас обменный курс постоянно скачет или ключевая ставка в течение трёх месяцев может взлететь на пять, а то и больше процентных пунктов, то о каком снижении экономической неопределённости может идти речь? Вы таким образом, скорее, повышаете её.

Николай СОРОКИН. Полностью согласен.

Дмитрий КУВАЛИН. Если вы стремитесь к экономической определённости, то и курс рубля должен меняться более плавно, и ключевой ставке надлежит быть более предсказуемой. Тогда экономические агенты, то есть предприятия и домохозяйства, видя определённую стабильность, захотят вкладываться в долгосрочные проекты. Причём, речь идёт не только о взятии кредита, но и о вложении в различные проекты собственных денег.

Центробанк, выступая за снижение уровня инфляции, считает, что это сыграет в долгосрочной перспективе. Допустим. Но тогда зачем он вводит плавающий курс рубля, объясняя, что это нужно для снижения негативных эффектов от краткосрочных шоков? Похоже, ЦБ сам не определился, какие цели он в итоге реализует — долгосрочные или краткосрочные.

Николай СОРОКИН. Очевидно, что без кредитов, которые можно назвать кровеносной системой современной экономики, её развитие невозможно. Однако ключевая ставка в 21% делает доступ к таким займам крайне затруднительным.

Дмитрий КУВАЛИН. Надо сказать, что жёсткая борьба с инфляцией нужна далеко не всегда. Инфляция — это совершенно естественная вещь, это тот самый механизм, который обеспечивает переток капитала в наиболее эффективные отрасли. Например, началось бурное развитие сектора ИТ, цены там начали расти быстрее, чем в других секторах, и рентабельность ИТ-компаний значительно возросла. Благодаря этому в ИТ-сектор начался приток инвестиций. Но когда появляется слишком много ИТ-компаний, они начинают конкурировать друг с другом, и в результате цены снижаются. То есть инфляция — это естественный механизм для поиска новой точки равновесия в экономике. Финансовые власти сейчас лю-

бят говорить о "перегреве" экономики. Причём нет объяснения, как они его определили, и почему есть "перегрев". Они используют такой термин как "разрыв выпуска". Это, кстати, спорный термин с профессиональной точки зрения. Для теоретических обобщений его можно применять, а для практических выводов — категорически нельзя.

Николай СОРОКИН. Поясните, пожалуйста, что такое "разрыв выпуска"?

Дмитрий КУВАЛИН. Существует реальный ВВП — это то, что мы на самом деле производим. И есть потенциальный ВВП, который в экономике возникает при полном использовании всех наличных ресурсов. По мнению некоторых макрофинансовых аналитиков, наш реальный ВВП в данный момент превышает потенциальный, и поэтому в российской экономике наблюдается "перегрев". То есть они всерьёз считают, что мы на 100% используем наши наличные ресурсы. Хочется спросить: вы давно не видели праздношатающихся людей, простаивающие производственные мощности? "100%" — это когда на улицах днём никого нет, потому что все работают.

Потому, когда говорят, что у нас "перегрев" экономики, я утверждаю, что это не "перегрев", а структурные сдвиги. Причём хорошие, правильные, которые нам нужны. Например, сейчас происходит рост удельного веса обрабатывающих отраслей. Это то, чего мы давно ждали: чтобы доля сырьевых производств была меньше, а обрабатывающих — больше.

Мы давно хотели видеть пространственные сдвиги, в частности, чтобы экономическая деятельность у нас начала смещаться на восток. И именно сейчас это наконец происходит.

Долгие годы мы говорили, что у нас заниженный уровень оплаты труда. Мы считали, что российская экономика находится в ловушке дешёвого труда, когда попросит двадцать гастарбайтеров выкопать канаву дешевле, чем покупать один экскаватор. Только когда труд дорог, у капиталиста есть резон покупать экскаватор, проводить автоматизацию, механизацию, внедрять высокие технологии. Так вот именно в последние три года происходит реальное повышение уровня зарплат наёмных работников.

Сегодня это всё происходит. Почему бы не дать этим структурным сдвигам свершиться? Если будет ещё и кредит под нормальный процент, то все эти механизмы реструктуризации заработают на полную мощность.

Николай СОРОКИН. Какая ключевая ставка сегодня была бы оптимальной для российской экономики?

Дмитрий КУВАЛИН. В экономике, конечно, никогда нельзя абсолютизировать результаты модельных расчётов. Но считать всё равно надо, чтобы хотя бы понимать точку отсчёта для дальнейших размышлений. Разрыв между уровнем ключевой ставки (21%) и заявленным индексом потребительских цен по итогам 2024 года (9,5%) составляет 11,5%. Думаю, этот разрыв раза в два можно уменьшить без особого риска ускорения инфляционных процессов.

Напомню ещё одно соотношение. В начале 2000-х годов темпы роста российской экономики были приличными — в среднем по 5–7% в год. При этом уровень инфляции, в частности индекс потребительских цен, всегда оставался двузначным, где-то между 10 и 20%. То есть инфляция была выше, чем сейчас, но никто не нервничал и не загонял ставку Центрального банка на запредельный уровень. Иногда номинальная учётная ставка ЦБ в 2000-е годы была даже ниже инфляции, то есть кредиты выдавались как бы себе в убыток. Но система работала, темпы роста были высокими. Экономика постепенно нащупывала новые точки равновесия безо всяких экзотических мер со стороны Центрального банка, инфляция постепенно снижалась и в итоге ушла в зону однозначных значений.

Сегодня структурные сдвиги даже более ярко выражены, чем тогда. Так что сегодняшняя относительно высокая инфляция — это не такая большая катастрофа для экономики, как об этом часто заявляют наши финансовые власти. Конечно, не стоит допускать того, чтобы она выскакивала за разумную границу, но, если инфляция находится где-то в пределах десяти процентов в год, это вполне допустимо.

Николай СОРОКИН. Дмитрий Борисович, есть информация, что российский ОПК и смежные с ним отрасли — машиностроение (включая военный и гражданский авиационный), металлообработка, химическая промышленность, а также энергетика — уже не один год показывают уверенный рост, доходящий до десяти процентов и более. Отрасли, по сути дела, вернулись к регламенту советских времён, они отвязаны от общего внутреннего рынка, государство фактически планомерно управляет ими, непосредственно инвестируя длинными госкредитами под формальные три-четыре процента. Это напоминает возврат к со-

ветской модели 1930–1950-х годов, когда гиганты плановой социндустрии сочетались с более гибким артельно-кооперативным хозяйством. Тогда в течение двадцати трёх лет ВВП СССР прибавлял в среднем по 16% в год. Действительно ли сегодня задействована в чём-то схожая схема?

Дмитрий КУВАЛИН. Конечно же, сейчас у нас не модель сталинских времён. Советская схема управления характеризовалась строгой отраслевой вертикалью, выстроенной от министерств через главки к трестам и управлениям. Кроме того, управленческий аппарат, руководивший производственными процессами, совершенно и качественно был совершенно другой. Предприятия, по сути, представляли собой цеха огромной корпорации. Нельзя забывать и о существовавшей в то время системе партийных комитетов, которые формулировали общие цели развития, выступали третейским арбитром при межотраслевых разногласиях, были посредниками между производственными компаниями и населением.

Сейчас, если и осуществляется планирование в названных вами отраслях, то максимум индикативное. Я, кстати, не уверен в необходимости директивного планирования в современной России, поскольку оно само по себе имело много недостатков, но до индикативных планов нам точно имеет смысл двигаться. Французы называют систему индикативных планов "планированием на основе договорённости". Подобный план подразумевает взаимодействие между государством, бизнесом, населением, представительным профсоюзом, экспертами и делегатами из регионов, которые совместно обсуждают и решают вопросы, кто и что в стране будет делать дальше.

Это та самая экономическая определённость, добиваться которой можно не через подавление инфляции, а именно через подобные договорённости, в том числе и о желательном уровне цен (например, на энергоресурсы) и ключевые транспортные услуги), о темпах повышения заработной платы и прочем.

Похоже, что в России нечто подобное такой схеме постепенно появляется. Хотя при этом, в отличие от экономики директивного планирования, цены у нас рыночные, а в Советском Союзе о таком не могло быть и речи. Знаменитый сталинский министр финансов Арсений Григорьевич Зверев в своих воспоминаниях писал, как он во время Великой Отечественной войны железной рукой заставлял на всех заводах вводить одинаковые цены на идентичную продукцию и как головы летели с плеч за невыполнение указаний. Сейчас такого и близко нет.

Николай СОРОКИН. Но и сейчас у нас в гражданском авиационном авиакомпаниям предписано покупать новые отечественные самолёты, такие как Суперджет 100 или MC-21, по строго согласованным с государством ценам.

Дмитрий КУВАЛИН. Другой разговор, что это у нас выливается в субсидии авиапроизводителям...

Николай СОРОКИН. Слышал, что и при наших военных закупках тоже устанавливаются госцены.

Дмитрий КУВАЛИН. Это конфиденциальная сфера, но, насколько мне известно, там тоже идёт очень жёсткая борьба за то, по какой цене приобретать технику. А, скажем, в гражданском авиационном, по которому информация более открытая, пока тиражность выпуска ещё не обеспечена, реальная себестоимость самолёта в несколько раз выше той, по которой, например, "Аэрофлот" согласен его купить. В результате большую часть затрат на покупку отечественных самолётов компенсирует государство. Позже, когда машины станут выпускать десятками, думаю, ситуация немного выправится. К сожалению, высокая себестоимость на возрождаемых авиазаводах — это неизбежная плата за развал авиапрома в постсоветское время...

Николай СОРОКИН. Устроенный командой Ельцина, Гайдара, Чубайса именно тогда, когда советский авиационный контролировал треть международного гражданского авиарынка.

Дмитрий КУВАЛИН. Список персонажей-разрушителей можно удлинить. Например, тогдашний руководитель "Аэрофлота" маршал Евгений Шапошников тоже поучаствовал в истории с отказом от закупки отечественных самолётов.

Это к вопросу о том, что элементы планирования в экономике должны быть. Рыночные механизмы с восстановлением отечественного авиапрома, станкостроения, микроэлектроники не справятся. Мы вынуждены платить очень высокую цену за возрождение разрушенных проектно-конструкторских бюро, отраслевой науки и прочих важнейших институтов.

Николай СОРОКИН. Многие придёт восстанавливать с нуля.

Дмитрий КУВАЛИН. Да. А еще в важнейших отраслях нужно установить очень высокие зарплаты, чтобы люди пошли работать в эту сферу. Чтобы специалисты начали производить гражданские самолёты, им необходимо гарантировать покрытие

всей себестоимости производства машин. Иначе никто не станет их производить, поскольку это коммерчески не выгодно. И здесь без элементов планирования не обойтись, иначе эту "долину смерти" не пересечь.

В производство, в науку нужно привлекать молодёжь высокими зарплатами и добротным образованием. Возрождение образования — это не эксперименты с ЕГЭ. Здесь также необходимо радикально поднять зарплаты преподавателям на всех уровнях и направлениях, а потом, соответственно, требовать с них результат, не раньше. То же самое нужно сделать в авиапроме, станкостроении, микроэлектронике. Другого пути нет: вы не имеете права использовать чисто коммерческие критерии, когда речь идёт о возрождении ключевых для страны отраслей.

Николай СОРОКИН. То есть без резкого усиления административного ресурса, планоности хозяйства в период восстановления утерянных советских компетенций не обойтись. Вы считаете правильным, что ОПК и смежные с ним отрасли инвестируются длинными госкредитами под формальные проценты?

Дмитрий КУВАЛИН. Не совсем формальные, они просто низкие, субсидируемые государством. А так их реально надо выплачивать.

Николай СОРОКИН. Они не могли бы развиваться, открывать новые цеха, если бы ЦБ установил им ставки по кредитам в раз-мере 25%.

Дмитрий КУВАЛИН. Конечно. Но в вопросах финансирования обороны и Минфин получает строгие указания сверху, и ЦБ особо не возражает, когда видит наличие системы льготного кредитования. А государство сейчас не может поступать иначе по понятным причинам: наш ОПК должен развиваться, желательно быстрее всех в мире.

В то же время, если рассуждать с чисто экономического точки зрения, ОПК обеспечивает огромный, может быть, самый высокий в экономике мультипликативный эффект, который распространяется по всем отраслям и регионам страны. Развитие оборонной промышленности само по себе даёт мощный импульс для экономического развития.

Николай СОРОКИН. В США подсчитали, что строительство одного авианосца даёт дополнительно сто тысяч рабочих мест высококвалифицированным специалистам.

Дмитрий КУВАЛИН. Так и есть. С точки зрения экономики, опережающее развитие оборонно-промышленного комплекса — это положительное явление...

Николай СОРОКИН. И с точки зрения науки — тоже.

Дмитрий КУВАЛИН. Мы иногда забываем, что Интернет, мобильная связь, спутниковое ТВ и другие уже привычные для нас вещи изначально создавались для военных. И после завершения СВО нам также надо будет обеспечить трансфер технологий из военного сектора в гражданский. Это отдельная сложная задача, но эффект в случае её решения будет колоссальный. Уверен, что, например, беспилотники начнут активно использоваться в народном хозяйстве.

Всё, о чём мы сейчас говорим, совсем не направлено на противопоставление плана и рынка. Наоборот, мы ведём речь об устранении в экономике дисбалансов, которые мешают эффективной работе рыночных

механизмов. Эти дисбалансы нужно убрать, пусть даже при помощи определённых директивных действий. Кстати, плюс индикативного планирования и его отличие от директивного состоит том, что вы можете поручить решение определённых задач не государству, а крупным корпорациям. Собственно, у нас так сейчас и происходит. Например, "Сбер" — это неформальный лидер в сфере цифровизации страны. Ему это в значительной степени поручено государством. В каком-то смысле продвижение цифровизации — это не только коммерческий интерес "Сбера", но и его обязанность.

Николай СОРОКИН. Дмитрий Борисович, международные резервы России выросли в сравнении с довоенным уровнем и установили новый исторический рекорд, превысив 650 млрд долларов. Информация об этом появилась на официальном сайте Банка России. Отмечается, что резкое увеличение российских международных резервов является следствием положительной переоценки активов. Многие считают, что такое состояние дел в первую очередь связано с постоянным ростом доли физического золота в золотовалютных резервах страны (ЗВР) и одновременно положительной динамикой его стоимости. На сегодняшний день ключевыми покупателями золота на внешнем рынке, также и его основными добытчиками на собственных территориях, являются Россия и Китай. Считаете ли вы, что во всём этом основная заслуга чиновников Центробанка, или главное здесь — стратегия российского руководства?

Дмитрий КУВАЛИН. Конечно, мировая цена на золото в последнее время действительно растёт. В том числе из-за того, что американцы сейчас заинтересованы в слабом долларе.

Что касается заслуг: когда есть за что похвалить ЦБ, то почему бы это не сделать? И за то, что восстановлен уровень ЗВР, и за отличную работу платёжной системы "Мир", благодаря которой мы не заметили санкций в системе взаиморасчётов...

Николай СОРОКИН. Ухода из России "Визы" и "Мастеркард"...

Дмитрий КУВАЛИН. Мега-молодцы те, кто это всё обеспечил упреждающим образом. Понятно, что это тоже люди из структур Центробанка.

Теперь про резервы. Разумеется, в нынешней сложной геополитической ситуации России очень желательно иметь значительный объём золотовалютных резервов — в золоте или в других активах.

Однако ещё до начала СВО многие справедливо говорили о том, что у нас явное перенакопление резервов, и хранят их не там, где следовало бы, и не в тех активах. Тогда было логично часть перенакопленных резервов вложить в развитие российской экономики. При этом назывались разумные, интересные способы, как лучшим образом их использовать.

Николай СОРОКИН. Говорили о строительстве новых городов, заводов...

Дмитрий КУВАЛИН. Да, ЗВР без особого инфляционного эффекта можно было бы потратить, например, на строительство мостов и современных машиностроительных заводов, закупку технологий за рубежом — тогда это было сделать гораздо легче, чем сегодня. Поэтому стоит задуматься: может быть, и нынешний, столь значительный объём резервов у нас за-

вышен? Раньше считалось, что резервы должны быть равны объёму трёхмесячного импорта. Конечно, учитывая сложную геополитическую ситуацию, сейчас желательно иметь больше накоплений, чем было в 2020 году. Но зачем нам такие рекордные резервы?

Николай СОРОКИН. Конечно! В Мурманске, на форуме северных территорий Владимир Путин заявил об открытии Арктической программы. Если эскизно прикинуть, то только на её реализацию может уйти половина нашего золотовалютного фонда.

Дмитрий КУВАЛИН. Поэтому нам необходимо ещё раз проанализировать, точно ли мы должны сидеть на этом сундуке с золотом и беречь его как зеницу ока? Может, нам не стоит повторять прежних ошибок и потратить сегодня хотя бы пятую часть резервов на укрепление российской экономики?

Николай СОРОКИН. Давайте в разы увеличим финансирование образования и науки. Как это делалось в те же 1950-е годы. Когда американцы стали искать истинные причины наших успехов в освоении космоса, они увидели их в том, что в СССР на образование было выделено 14% из государственного бюджета.

Дмитрий КУВАЛИН. И это абсолютно правильно. Но, конечно, надо понимать, что в целом все наши золотовалютные резервы — это всё-таки относительно небольшая сумма в сравнении, к примеру, с масштабом годового ВВП страны. Поэтому, думаю, образование, науку, медицину, культуру надо поднимать не за счёт ЗВР, а за счёт высоких темпов экономического роста. В этом смысле тема необходимости борьбы с "перегревом" экономики на 80–90% ошибочная. 4% прироста ВВП в год — это даже меньше того, что нам сегодня надо.

Ресурсный потенциал, которым мы сейчас располагаем, может нам обеспечить 5–8% прироста экономики в год в течение нескольких лет. И это совершенно приемлемо со всех точек зрения. Потом эти темпы станут снижаться, и придётся думать, за счёт какого дополнительного потенциала нам двигаться дальше.

Коротко подытожу сказанное: грамотным специалистам надо, во-первых, разобраться, нет ли перенакопления в ЗВР. Если оно есть, то желательно направить эти деньги на какие-то напрокты, например, в сферу микроэлектроники. При этом не забываем, что в западе должны оставаться довольно большие резервы. Во-вторых, для России сейчас важнее сохранить высокие темпы экономического роста. А для этого стоит ещё раз подумать над размером ключевой ставки ЦБ и отвергнуть тезис о необходимости "охлаждать" экономику при годовом росте экономики в 2–4%. Высокие темпы роста — залог всех наших успехов в будущем, экономических и социальных.

Николай СОРОКИН. И геополитических.

Дмитрий КУВАЛИН. Совершенно верно. Чтобы нас уважали на мировой арене, чтобы у страны было впечатляющее современное вооружение, Россия должна иметь мощную, гибкую, быстро развивающуюся экономику.

Николай СОРОКИН. С этим трудно не согласиться. Спасибо, Дмитрий Борисович, за обстоятельную беседу!

